

Л. Г. Фризман
(Харьков, Украина)

«НА ФОНЕ ПУШКИНА...» ПУШКИНСКИЕ ОТЗВУКИ У ГАЛИЧА И ОКУДЖАВЫ

В марте 1968 г. в жизни Галича произошли события, которые резко ее изменили и в известном смысле предопределили его будущее. К этому времени большинство песен, создание которых ставилось ему в вину и явилось поводом для его исключения из творческих союзов и последовавшей затем эмиграции, было уже написано и достаточно широко известно. Недовольство ими в определенных инстанциях, надо думать, зрело и нарастало, но не выявляло себя открыто.

В это время он был приглашен в новосибирский Академгородок, где выступил с огромным успехом. Сибирское отделение Академии наук наградило поэта Почетной грамотой и «специальным призом — копией пера великого А. С. Пушкина». Но эти же выступления повлекли за собой разгромную статью Н. Мейсака «Песня — это оружие» в газете «Вечерний Новосибирск», обвинявшую Галича во всех смертных грехах и положившую начало травле, продолжавшейся едва ли не два десятилетия.

В канун этих событий и, вероятно, предчувствуя их, Галич написал статью «О жестокости и доброте искусства». Она предназначалась для газеты «Советская культура», но в печати тогда не появилась.

Эпиграфом к ней Галич взял четвертую строфу «Памятника»: «И долго буду тем любезен я народу...». «В этих великих пушкинских строках, — писал он, — одновременно коротко и с исчерпывающей полнотой изложены задачи и назначение искусства. Это не только констатация — это завет». Он призывал помнить, «чем полагал Пушкин остаться любезным народной памяти, — тем, что возбуждал добрые чувства, прославлял свободу и призывал к милосердию»¹. Вряд ли стоит распространяться о том, в какой мере Галич собственным творчеством подтвердил верность этому завету.

Пушкин вошел в жизнь Галича в раннем детстве. В 1988 г. его брат Валерий Аркадьевич Гинзбург дал обширное интервью журналу «Горизонт», где поделился, в частности, такими воспоминаниями: «Мы все, мальчишки нашего двора, знали, в каком доме мы живем, — в доме поэта Д. Веневитинова, где Пушкин впервые читал „Годунова“. Мы не знали стихов Веневитинова, не все еще умели читать, но Пушкин, „Борис Годунов“ — это нам было понятно». Галич был племянником профессора Московского университета, известного пушкиниста Л. С. Гинзбурга, кабинет которого «был завешан портретами Пушкина — Кипренского, Гау, Тропинина, маленький Пушкин в лицее»². В. А. Гинзбург вспоминает книжку «Сказки Пушкина», которая открыла ему мир великого поэта. Поразительно, какими устойчивыми

оказались эти детские впечатления. Спустя много лет, примерно за год до смерти, выступая по радио «Свобода», Галич сказал: «Помните, когда мы впервые прочли сказку „О царе Салтане“, не знаю, как вас, а меня, еще мальчика маленького, вдруг ударило в самое сердце, когда я услышал такие слова: „Ты волна моя, волна, ты гульлива и вольна“».

Нет необходимости регистрировать все упоминания Галичем имени Пушкина и перечислять приводимые им пушкинские цитаты. Но есть случаи настолько показательные, что их нельзя обойти молчанием. 5 января 1969 г. Галич привел в дневнике строфу из стихотворения «Запой под Новый год», которая заканчивалась строкой: «Ты сказала мне тихонько: быть беде!..» И сопроводил ее замечанием: «А где-то в последнем звене, надо бы: быть нельзя!» Это намерение поэт осуществил: в позднейшей редакции, датированной 1971 г., последние два стиха звучали так:

Я спросил тебя: «А может, все не зря?»

Ты ответила — старинным быть нельзя.

Источник сделанной поправки раскрывает примечание к публикации дневника: «А. С. Пушкин. Письмо брату Льву из Кишинева 21 июля 1822 г. „Мне писали, что Батюшков помешался: быть нельзя; уничтожь это вранье“... Более позднее стихотворение Галича «Опыт отчаянья» в рукописи имеет подзаголовок «Письмо брату из Кишинева»⁴. Основанием для этого примечания явился вступительный текст, который Галич произносил перед исполнением песни: «Странная ночь. Не то снег, не то дождь, все расцвело. Человек идет пьяненький, бормочет какие-то странные слова, вспоминает стихи, строчки из писем. А чаще других вспоминает такую строчку из письма Пушкина брату Льву: „Пишут мне, что Батюшков помешался. Быть нельзя!“» Приводя этот текст, А. Е. Крылов обоснованно отмечает: «Характер цитирования дает нам право рассматривать этот фрагмент письма Пушкина как своеобразный эпитаф или, точнее, его составную часть»⁵.

Стихотворению «Памяти Живаго» предпослан эпитаф из «Путешествия в Арзрум»: «Два вола, впряженные в арбу, подымались по крутой дороге. Несколько грузин сопровождали арбу. „Откуда вы?“ — спросил я их. „Из Тегерана“. — „Что вы везете?“ — „Грибеда“». Как известно, в стихотворении воссоздана картина разгрома ноябрьского восстания 1917 г. в Москве, в результате которого власть в городе окончательно перешла к большевикам, и вместе с тем картина краха иллюзий, через которые прошла героиня, готовая поздравить с победой сидельцев Охотного ряда, верившая, что «пахнуло озоном, трудящимся дали права!» Но с потоками крови, со зрелищем толпы, которая в молчанье сходится у церкви Бориса и Глеба, приходит постижение истины. Не случайно здесь, конечно, и имена святых великомучеников — они сопрягаются с судьбами иных мучеников, бесчисленных и безымянных.

И тут ты заплачешь и даже
 Пригнешься от боли тупой.
 А кто-то нахальный и ражий
 Взмахнет картузом над толпой.

Нахальный, воинственный, ражий
 Пойдет баламутить народ.
 Повозки с кровавой поклажей
 Скрипят у Никитских ворот ...

Уже эти «повозки с кровавой поклажей» не могут не вызвать в памяти арбу, встреченную Пушкиным. Но Галич идет дальше: его собственная участь неотделима от участи жертв фанатизма — и религиозного, и коммунистического:

Так вот она, ваша победа!
 «Заря долгожданного дня!»
 «Кого там везут?» —
 «Грибоеда».
 Кого отпевают?
 Меня!

Пушкинскую строку «На холмах Грузии лежит ночная мгла» Галич избрал эпиграфом к «Песне о Тбилиси». Это стихотворение многоплановое, пронизанное противоречивыми эмоциями, пересказать его едва ли возможно. Но очевидно, что его тональность зримо и намеренно контрастирует с пушкинской⁶. У Пушкина глубокая гармония лирического героя с миром: «печаль моя светла», «унынья моего / Ничто не мучит, не тревожит...». У Галича — напряженная трагическая нота, становящаяся к концу все более надрывной. В последних строфах «горят черновики», «гремят грузовики» «и сапоги охранников грохочут».

И топчут каблуками тишину,
 И женщины не спят и плачут дети,
 Грохочут сапоги на всю страну!

И вот последняя строфа. По-галичевски короткое и емкое обобщение:

Все в мерзлый камень памятью одето.
 Все как удар ножом из-за угла.
 «На холмах Грузии лежит ночная мгла»
 И так еще далеко до рассвета.

Не возникает сомнения, что мгла здесь не явление природы, а символ тьмы, безвременья, безнадежности, и, соответственно, слово «рассвет» тоже наполняется символическим смыслом.

В статье Г. Зобина о пушкинских мотивах в поэзии Галича проведено обоснованное сопоставление между призывом: «Паситесь, мирные народы» и гневной инвективой Галича:

Да здравствует трижды премудрость холопья —
Премудрость жевать, и мычать, и внимать...⁷

Но нельзя не отметить, что если Пушкин обличает молчание и пассивность, то гнев Галича вызывает прямое соучастие в несправедливых расправах: «безгрешный холуй» запасается камнями, которые полетят в указанном начальством направлении.

Особого внимания заслуживает «Опыт ностальгии». Только дочитав это стихотворение до конца, мы понимаем, что весь перечень мерзостей, оставленных поэтом на родине, его отказ грустить по безрезкам, презрение к проходящим поколениям, его готовность лишь «чуть-чуть» пожалеть о «крылатых конях», о «святках», о «пряди полушалка» — все это только готовит нас к упоминанию о той единственной святыне, разрыв с которой невыносим и невыразим:

Но-есть-еще-Черная речка...
Об этом не надо!
Молчи!

Теперь об Б. Окуджаве, в отношении которого к Пушкину выразительно и рельефно сказались самые сокровенные черты его поэтического и человеческого облика. В одном из своих интервью Окуджава заметил: «Я вижу в Пушкине идеал...»⁸, и эти слова могли бы повторить вслед за ним многие другие. Но когда в его стихах звучит сожаление, что «нельзя с Александром Сергеичем поужинать в „Яр“ заскочить хоть на четверть часа», когда Александр Сергеич предстает «в поиске и муке, да козыри лукавы и не даются в руки», — тут уж нельзя ошибиться. Это только и именно Окуджава, и никто кроме него не написал бы этих строк.

Пушкинская тема проходит практически через всю творческую биографию Окуджавы. Самое раннее из стихотворений, которыми мы располагаем, — «Бессмертие» было опубликовано в калужской газете «Молодой ленинец» в 1956 г. Дата публикации — 10 февраля — наталкивала на мысль, что она приурочена к годовщине гибели поэта. А подзаголовок «Из стихов о Пушкине» достоверно подтверждает, что «Бессмертие» было не первым и не единственным стихотворением, написанным Окуджавой о Пушкине. Можно сожалеть о том, что мы не знаем остальных, но то, что Окуджава выделил из них и включил в свой первый сборник «Лирика» (Калуга, 1956) именно «Бессмертие», конечно, не случайно.

Для стихов Окуджавы о Пушкине характерна постоянная память о трагическом конце поэта. Смерть Пушкина и его бессмертие как бы стоят рядом, оттеняя друг друга, и эта особенность трактовки пушкинской темы в поэзии Окуджавы проявилась уже в том стихотворении, о котором идет речь. Первые его строки о смерти: беспощадный поединок, неизлечимая рана, бесполезные лекарства, бессильные врачи, царский приказ тайком схоронить крамольного поэта. «Конец?»

Нет, «тропой незаросшей» — образ, воспринятый из «Памятника», — «к могиле поэта сходились друзья», «и снова поэт над землей вставал то в краске, то в камне, то в бронзе».

«Но годы — что волны» — это сравнение Окуджавы повторяет дважды, однако в каждом случае оно получает иной оборот. В первом оно символизирует преходящесть земного, его обреченность на гибель: «книги тонули в архивной пыли», «бронза тускнела», «холсты угасали, прогнивши». Во втором — вечное движение вперед. Как ни пострадал в войну «тот край, где поэт похороненный спит», «но жизнь не сдалась, не пропала в дыму: весна не поникла в потемках...». Дети, даже не успевшие узнать Пушкина за партией, читали его стихи. «А это и было бессмертие».

Смерть Пушкина — на первом плане в стихотворении «На углу у гастронома»: «снова в Пушкина палят», и «он опять лежит убитый с грустной думой на челе», «пистолет», «сюртук в крови», «потухший взгляд».

Пушкин, Пушкин, счет обидам —
Очень грустная статья.
Но неужто быть убитым —
Привилегия твоя?

Памятник же, который мог бы символизировать бессмертие, отходит на второй план, и говорится о нем не без явной иронии: «ах, ни бронза и ни мрамор не спасают от забот», «опять над постаментом торпливым инструментом водружают документ».

«Дом на Мойке», находящийся «меж домом графа Аракчеева и домом Дельвига, барона», — это дом пушкинской смерти: здесь «род людской» «не уберется от урока».

И, наконец, стихотворение, хронологически завершающее пушкинскую тему в поэзии Окуджавы, — «Приносит письма письмоносец» (1988). Здесь и письма «о том, что Пушкин рогоносец», и размышления о природе и побудительных мотивах дуэли — «и это все для нас еще одна загадка».

И прежде чем решать вопросы
Про сплетни, козни и доносы
И раскрывать причины тайной мести,
Давайте-ка отложим это
И углубимся в дух поэта,
Поразмышляем о достоинстве и чести.

Особняком в этом ряду стоит стихотворение «Сталин Пушкина листал». Разумеется, это стихи в большей мере о Сталине, чем о Пушкине. В них налицо явные переключки с такими произведениями, как «Стоит задремать немного...», «Шестидесятники развенчивать усатого должны...» и «Ну что, генералиссимус прекрасный...». Их объединяет не только непримиримо отрицательное отношение к «усатому», но и сама тональность — сдержанная, но язвительная ирония.

Главная черта Сталина, каким он предстает в интересующем нас стихотворении, — ограниченность, узость и изначальная дефектность подхода к духовным ценностям. Для этого и введена в идейно-художественную ткань произведения высшая из мыслимых ценностей — творчество Пушкина, которого — не упустим эту деталь — вождь не читал, а именно «листал». Но «магический кристалл» остается непрозрачным для «острого глаза горца». Не постичь ему, почему народ «гимны светлые поет в честь погибшего поэта». Все попытки Сталина проникнуть в таинство Пушкина остаются в рамках привычных для него гипотез:

Может, он шпион английский,
Если с Байроном дружил?..
Впрочем, может, был агентом
Эфиопского царя?

Печальная аналогия пушкинской эпохи со сталинской подчеркнута и годом смерти поэта: «Погиб в тридцать седьмом! Снова этот год проклятый, ставший символом уже!» Результаты попыток «понять суть» Пушкина завершаются полной неудачей:

Все он мог: и то, и это,
Расстрелять, загнать в тюрьму,
Только вольный дух поэта
Неподвластен был ему.

Естественно предположить, что и вызванный к Сталину Берия вряд ли поможет ему выбраться из загадок, в которых он заблудился.

Есть у Окуджавы стихи, в которых имя Пушкина не названо, но его присутствие ощущается. Разумеется, мы вступаем в область предположений, но, на наш взгляд, не бесосновательных. Так, стихотворение «Благородные жены безумных поэтов...» заканчивается так:

Но каким бы он в жизни ни слыл безобразным,
Слышим мы из угла своего,
Как молитвы возносите вы ежечасно
За бессмертную душу его.

И когда он своею трепещущей ручкой
По бумаге проводит пером,
Слышу я: колокольчик гремит однозвучный
На житейском просторе моем.

Первый из процитированных стихов не может не воскресить в памяти фрагмент из пушкинского «<Опровержения на критики>»: «В другой газете объявили, что я собою весьма неблагообразен и что портреты мои слишком льстивы. На эту личность я не отвечал, хотя она глубоко меня тронула» (XI, 162). Людей, слывших безобразными, много, но ведь не о любом из них можно сказать, что «молитвы возносите вы ежечасно за бессмертную душу его». Думается, что и «колокольчик однозвучный» пришел в стихотворение Окуджавы не из популярной песни А. Гурилева на слова И. Макарова, как считают комментаторы поэта⁹, а из пушкинской «Зимней дорожки».

И в заключение — о стихотворении, слова из которого вынесены в заголовки этой статьи, — «Приезжая семья фотографируется у памятника Пушкину». Стихотворение это знают все, и все, надеюсь, согласятся, что оно — не о Пушкине. Один из немногих исследователей, уделивших ему специальное внимание, Г. Г. Красухин, правда, усматривал у членов «приезжей семьи» «внутреннюю причастность к Пушкину». «Ведь они стоят на фоне его памятника, охваченные любовью к великому поэту, объединенные, сродненные ею „на веки вечные“»¹⁰. Но, будучи зорким и добросовестным автором, он все же не может упустить из виду, что любовь приезжих к великому поэту — чистый домysel, что у Окуджавы об этом нет ни звука, и продолжает: «Очень, конечно, может быть, что на самом деле заезжие любители фотографироваться вовсе не ощутили в себе внутренней причастности к Пушкину, что им больше импонирует его торжественный памятник, но ведь и поэт обратился к ним не для того, чтобы доискаться, как было на самом деле»¹¹.

Как же было на самом деле?

Фотограф щелкает, но вот что интересно:
На фоне Пушкина! И птичка вылетает.

Что это? Набор слов? Тогда почему он так западает в душу? Не потому ли, что стихотворение заключает в себе не описание заурядного происшествия, а раздумье о всей нашей жизни. Во второй строфе появляются ключевые слова: сначала «все», а затем и «мы»: «Все счета кончены и кончены все споры», «Какие женщины на нас кидают взоры», а затем оба эти слова объединяются: «Все наши глупости и мелкие злодейства».

Мы будем счастливы (благодаренье...)

Ожидается, казалось бы, единственно естественное продолжение: «благодаренье Богу» — именно этим фразеологизмом поясняют слово «благодаренье» современные словари. Но Окуджава говорит: «благодаренье снимку». Потому что снимок запечатлел нечто большее, чем провинциальную семью, — всех нас. Потому что он противостоит самому течению времени: «пусть жизнь короткая проносится и тает» — для нас мгновение остановилось, и остановилось оно в блаженный миг:

На веки вечные мы все теперь в обнимку
На фоне Пушкина! И птичка вылетает.

Примечания

¹ Галич А. А. Заклинание добра и зла. М., 1992. С. 13, 17.

² Там же. С. 515.

³ Там же. С. 134.

⁴ Там же. С. 32.

⁵ Крылов А. Е. Галич — «соавтор». М., 2001. С. 59.

⁶ См. об этом: Волин В. Р. Он вышел на площадь: Вспоминая и перечитывая Галича // Галич А. А. Песни; Стихи; Поэмы; Киноповесть; Пьеса; Статьи. Екатеринбург, 1999. С. 637.

⁷ Зобин Г. На развалинах дома. Пушкинские мотивы в поэзии Александра Галича // *Истина и жизнь*. 1999. № 6. С. 31.

⁸ Окуджава Б. Ш. «Я вижу в Пушкине идеал...» // *Вперед*. Пушкин, 1994. 8 сент.

⁹ Окуджава Б. Ш. Стихотворения. СПб., 2001 (Новая библиотека поэта). С. 654 (примеч. В. Н. Сажина).

¹⁰ Красухин Г. Г. В присутствии Пушкина. М., 1985. С. 165.

¹¹ Там же. С. 166.

А. А. Бачинская

(Симферополь, Украина)

ПОСМЕРТНОЕ ИЗДАНИЕ СОЧИНЕНИЙ А. С. ПУШКИНА В КРЫМУ

Известно, что после смерти А. С. Пушкина с «Высочайшего соизволения» императора Николая I была учреждена опека над малолетними детьми и имуществом покойного. Одно из направлений работы опеки, возглавляемой графом Григорием Александровичем Строгановым, заключалось в подготовке и издании сочинений поэта за казенный счет в пользу вдовы и детей. Первоначально собрание сочинений должно было состоять из шести томов, но затем было расширено до восьми, с сохранением цены издания (25 руб. ассигнациями на простой бумаге, 40 — на веленовой и еще 10 руб. за пересылку). Редактировалась В. А. Жуковским, П. А. Плетневым и П. А. Вяземским, оно должно было включать в себя все уже изданные произведения Пушкина, а также его биографию, портреты, автографы. Восемь томов вышли в 1838 г., а в 1841 г. появились еще три части, состоявшие из впервые публикуемых произведений. Но не эти факты будут предметом нашего рассмотрения.

Объявление об издании отпечатано в Санкт-Петербурге в марте 1837 г., подписка продолжалась до 1 октября того же года. С учетом кратких сроков к распространению билетов было подключено III отделение Министерства внутренних дел (Стол II), которое по административным каналам во все губернии России отправило циркуляры с номерованными билетами на получение сочинений Пушкина и указаниями о дальнейшей переписке. Сроки подписки были продлены до 1 мая 1838 г.

В 1832—1838 гг. министром внутренних дел был Дмитрий Николаевич Блудов, один из учредителей литературного общества «Арзамас», всегда близко принимавший участие в судьбе Пушкина. Видимо, он посчитал нужным отправить всем губернским предводителям дворянства еще одно официальное письмо, отпечатанное в типографии с пробелами для имени, должности и титула адресата: «Вменяю себе в приятную обязанность <...> покорнейше просить Ваше Прево-

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
ФОНД РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ГУМАНИТАРНЫХ СВЯЗЕЙ
«МОСКВА—КРЫМ»

ПУШКИН И МИРОВАЯ КУЛЬТУРА

Материалы шестой Международной конференции

Крым, 27 мая—1 июня 2002 г.

Санкт-Петербург,
Симферополь,
2003